

6 рассказов

**** количество указано

без учета НДС

1

1

1

1

1

1

Тарас Шира

Тарас Шира

6 рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45564920

ISBN 9785005051844

Аннотация

Рассказы. 6 штук. В основном – лиричные и веселые, но некоторые окажутся далеко не самыми приятными. Максимально стараюсь обращаться к правде – все эмоции, даже те, которые стремятся проскочить незамеченными, бесцеремонно вытаскиваю на яркий свет. Все имена изменены, совпадения – не случайны. Посвящается всем тем, кто работал на дурацких и не очень работах, отчаянно и не очень искал себя и старался жить, если и не на полную, то хотя бы не скучно.

Содержание

Похороны Фигаро	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

6 рассказов

Тарас Шира

© Тарас Шира, 2019

ISBN 978-5-0050-5184-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Похороны Фигаро

– Квартиру тебе отдам, будешь там жить и баб своих водить.

Часто ли к вам с такими разговорами подходит мама? Ко мне вот в первый раз.

В 17 лет мне обещали только отчисление и армию. А тут – квартира.

С «бабами» она, конечно, погорячилась. Зато я смог бы безнаказанно пить пиво каждый вечер.

Эта шкура неубитого медведя, то есть квартира, принадлежала бабушкиной подруге. С бабушкой они поссорились пару лет назад из-за какой-то старческой ерунды и с тех пор не разговаривали. Но эта самая бабушкина подруга начала общаться с моей мамой – уж не знаю, какие они нашли общие темы. Может, таким хитрым способом она хотела добраться до старой подруги и восстановить отношения.

Но на телефоне с мамой они висели часами. Они говорили на двух разных языках – эта старушенция не смотрела сериал «Во все тяжкие», а моя мама не особо разбиралась в акциях в пятерочке.

Звали старушку Лиза. Вернее, Лиза – имя для миниатюрной блондинки со слегка курносым носом, легкими веснушками и белокурыми волосами, спадающими на плечи. Эту же звали Елизавета. Мне всегда хотелось добавить «Вторая».

Елизавета постоянно находила у себя болезни из большой медицинской энциклопедии и программы Елены Малышевой. Ее ежедневные заболевания начинались с 5 утра и протекали сверху вниз – за завтраком ей мерещилась глаукома, в обед – аппендицит, за ужином – артриты на обеих коленках.

Мне же кажется, ее болезнь называлась «Первый канал». С осложнениями в виде «России 2» и кучей свободного времени на пенсии.

Ее голову всегда венчали парики спорного внешнего вида – огненно-рыжие, вишневые или бордовые. Веки она подкрашивала теми ужасными тенями, похожими на разбавленную зеленку или бутылочное стекло. Такими обычно пользуются только толстые усатые продавщицы в синих передниках и бородавкой на щеке.

На детских фотографиях я всегда интуитивно от нее отстранялся, сохраняя при этом пенопластовую улыбку и выдрессированное родителями умилительно-вежливое выражение лица.

Так вот, эта Елизавета еще лет в 40 потеряла сына. Нет, он не умер- она и впрямь его потеряла. В один прекрасный день он, двадцатитрехлетний, собрал вещи и уехал от нее навсегда. «Задолбала» – и хлопнул дверью.

Я тоже слегка удивился, но, наверное, у него были на это причины.

Нечего удивляться, что Елизавета еще была и завсегда-тайкой театра оперы и балета. Она попыталась сделать себе подобных и из нас, но мы оказались крайне резистентными к Лебединому озеру и Отелло. И вот, минуя полугодовой бойкот по причине своего поражения в попытке нашего окультуривания, она вновь позвонила моей маме.

И с тех пор мама оживилась.

– А где гарантии, что она нам квартиру отдаст? – интересовался я, завязывая шнурки на кроссовках.

– Она сказала, что впишет меня в завещание – сказала мама, примеряя уже третье по счету кашне перед зеркалом.

– Надень то, которое она тебе подарила – посоветовал я. – Всем нравится, когда носят их подарки.

Мама достала из кладовки коричневый вязанный шарф с красными розами. Даже сейчас он едва уловимо пах румянами для щек и партером театра.

Встряхнув его несколько раз, мама одними кончиками пальцев обвязала его вокруг шеи. Подвернув джинсы, она облилась каким-то орифлеймом из пошлого розового флакона и была готова становиться наследницей первой очереди.

Зато не особо готов был я.

Дело в том, что старушка, чувствуя свою скорую кончину (такие как она начинают ее чувствовать лет с 60) решила устроить турне по кладбищам всех родственников, которые у нее здесь были.

Но это еще не все.

– А лопату разве мы берем? – изумился я, только сейчас увидев деревянный черенок, торчащий из свернутых газет.

– Конечно – кивнула мама.

А ехали мы хоронить Елизаветиных котов. И речь шла не о двух котах. Если я правильно понял, их было 5.

5 котов, которые пролежали на ее балконе всю зиму. А уже как месяц шла весна. Последний, ее любимчик Фигаро, приказал долго жить месяц назад.

Хоронить их одна она боялась, а с нами тогда не разговаривала из-за «театральной размолвки». Коты, если можно так выразиться, послушно ждали своего часа на балконе.

Старушка вконец попрощалась со здравым смыслом, поэтому решила хоронить своих котов на могиле родителей. Так сказать, сложить все самое дорогое в одном месте. В этом стиле викингов или индейцев майя. Только вряд ли ее издохшие барсики тянули на тотемных животных.

Ее квартира был настоящим кошачьим пансионатом. Почти десяток запертых шерстяных монте-кристо, которые даже и не подумывали о побеге. В фильме «На игле» кто-то из главных героев помер не от героина, а от вируса из кошачьего дерьма. Я тогда не особо на это купился, но позже узнал об этом на уроке биологии. От таких знаний моей любви к кошкам как-то поубавилось.

Зато трешка. Да еще и в центре города.

Наверное, за эту квартиру не взялась бы даже Школа ремонта из ТНТ. Продюсер со съемочной командой уже в две-

рях бы почуяли неладное и посоветовали бы нам пойти куда-нибудь на TLC, где привечают всех юродивых и неполноценных.

Но я был не особо притязателен. Первым делом я выкину все каслинское литье и сделаю барную стойку на кухне. А там уже разберемся.

Завидев ее издалека, я уже заранее возненавидел большую клетчатую хозяйственную сумку, которую она держала в руке.

– Мои зайчики, спасибо вам большое – чуть ли не заревела Елизавета, когда мы подошли ближе.

Лучше бы мы пошли с ней на ее оперу, пока еще была возможность. А ведь где-то сейчас спокойно себе идет гребаный Щелкунчик.

– Боренька, ты возьмешь? – тихо спросила она, протягивая ужасный груз.

Она всегда называла меня именем своего сына. Я ее не исправлял.

Я попытался стать анаэробным организмом. Хоть ненадолго. Слегка прищурившись, как будто из пакета могло чем-то полыхнуть, я протянул руку.

Сумка была не особо тяжелой – скорее всего, за эти несколько месяцев коты истлели и почти ничего не весили.

Елизавета несла две пары резиновых перчаток и пустую

коробку из-под зимних сапог. Сапоги ей пришлось выбросить еще год назад, потому что именно эту пару коты облюбовали в качестве туалета.

А теперь в этой коробке они будут похоронены. Вот уж действительно ирония судьбы.

Ехали мы на трамвае – бабки с рассадой с интересом поглядывали на сумку и лопату – наверное, пытались угадать, какие семена мы едем сажать.

К счастью, то, что мы ехали «сажать», не давало никаких побегов.

Эта завязка напоминала мне какое-то Стивен Кинговское кладбище домашних животных – я втайне надеялся, что все эти 5 котов оживут, вернуться к бабке ночью и обоссут ей половичок у двери.

Трамвай затормозил и из пакета пахнуло. Я сжал зубы и повернул голову почти на 180 градусов, резко заинтересовавшись железной трамвайной обивкой.

Боже мой, а вы ведь еще православный человек – думал я, краем глаза рассматривая безмятежное лицо Елизаветы. Только сейчас я осознал всю абсурдность ситуации.

Хоронить котов на могиле родителей.

Жаль, что в 2010 году еще ничего не слышали про оскорбление чувств верующих.

-Ты завтракал? Хочешь пряник? – Поймав мой взгляд, Елизавета заботливо подалась вперед.

Еще и издевается.

Когда двери открывались на пустых остановках, мне хотелось размахнуться (только очень аккуратно) и отправить этот сухогруз в бреющий полет.

Наконец, мы приехали. Двери трамвая с шумом захлопнулись за спиной. Чтоб хоть как-то отвлечься, я насвистывал бандитский Петербург – кто знает, может каких-то лет 20 назад этой же дорогой на кладбище шли трое братков. Какие-нибудь каноничные Шило, Мокрый и Сутулый. Шли хоронить днем и с почестями – кореша, или ночью и тихо – конкурента. Но даже конкурентов уважительно заворачивали в ковер, а не в вокзальную холщовую сумку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.